СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 316.42

doi: 10.55959/MSU0201-7385-7-2025-5-67-86

«ГЕОГРАФИЯ ОТЧАЯНИЯ»: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ЭПОХУ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

И.А. Вершинина[1], Т.С. Мартыненко[1], К.Л. Хомякова[2]

[1] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, МГУ, г. Москва, Россия
[2] Независимый исследователь

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления последствий экологического кризиса, который становится источником новых вызовов для человечества. В центре внимания находится проблема экологических беженцев, приведены актуальные данные, свидетельствующие о глобальном масштабе «географии отчаяния». Рассмотрены основные теоретические подходы к изучению данной проблемы, особенности концептуализации понятий «экологические беженцы», «климатические беженцы» и «экологические мигранты». В статье уделяется внимание ключевым факторам возникновения проблемы экологических беженцев, в частности рассмотрена концепция виаполитики. Выявлено влияние пандемии COVID- 19 на социально-экономическое положение экологических беженцев. Проблема экологических беженцев вписана в дискурс об экологическом неоколониализме.

Ключевые слова: экологические беженцы, миграция, виаполитика, пандемия, экологический неоколониализм

Благодарности/Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00258, https://rscf.ru/project/24-28-00258/

© И.А. Вершинина, Т.С. Мартыненко, К.Л. Хомякова, 2025

Original article

"GEOGRAPHY OF DESPAIR": ENVIRONMENTAL REFUGEES IN THE EPOCH OF CHANGE IN THE CLIMATE

И.А. Вершинина[1], Т.С. Мартыненко[1], К.Л. Хомякова[2]

[1] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, МГУ, г. Москва, Россия

[2] Независимый исследователь

Abstract. The article attempts to understand the consequences of the environmental crisis, which is becoming a source of new challenges for humanity. The focus is on the problem of environmental refugees, and current data are provided indicating the global scale of the "geography of despair". The main theoretical approaches to the study of this problem, the features of the conceptualization of the concepts of "environmental refugees", "climate refugees" and "environmental migrants" are considered. The article pays attention to the key factors in the emergence of the problem of environmental refugees, in particular, the concept of viapolitics is considered. The impact of the COVID-19 pandemic on the socio-economic situation of environmental refugees is revealed. The problem of environmental refugees is inscribed in the discourse on environmental neocolonialism.

Keywords: environmental refugees, migration, viapolitics, pandemic, environmental neocolonialism

Acknowledgments/Financial Support

The study was supported by the Russian Science Foundation, project N 24-28-00258, https://rscf.ru/project/24-28-00258/

Введение

Рост степени загрязнения окружающей среды и изменение климата, последствием которого является увеличение числа природных катаклизмов и стихийных бедствий, актуализировали вопросы определения возможных пределов добычи природных ресурсов и оценки влияния человеческой деятельности на экологию. Последствия этой деятельности многообразны, и, как отметил современный шведский философ И. Иогансон, одна из важнейших онтологических проблем современности заключается в поиске ответа на вопрос, «как разместить общество в природе» [1, 314]. Потребительское отношение к природе во многом можно рассматривать как результат «диа-

лектики Просвещения», согласно которой «единственно чему хотят научиться люди у природы, так это тому, как ее использовать для того, чтобы полностью поработить и ее, и человека» [2, 17]. С одной стороны, стремительное порабощение природы вследствие промышленной революции и урбанизации ведет к тому, что «тема возвращения к земле становится одной из значимых социальных практик» [3, 18]. С другой стороны, среди социальных последствий изменения климата значимое место занимает проблема экологических беженцев, то есть «утраты земли», приобретающая в XXI в. глобальный характер.

Так, в 2022 г. в мире насчитывалось около 33 млн внутренних перемещений, связанных со стихийными бедствиями (преимущественно наводнениями и штормами), из которых примерно две трети приходятся всего на пять стран — Пакистан, Филиппины, Китай, Индия и Нигерия[1]. За последние 10 лет около 220 млн внутренних перемещений были спровоцированы климатическими причинами, что составляет приблизительно 60000 перемещений в день[2]. Подобная «география отчаяния», предстающая как проблема экологических беженцев, сегодня обсуждается Организацией Объединенных Наций (ООН), Генеральный секретарь которой выражает «обеспокоенность масштабами перемещений населения, возникающих в результате климатических изменений»[3] и указывает на то, что ООН нацелена на взаимодействие с другими организациями для защиты людей от подобного риска. Эксперты Всемирного банка прогнозируют, что в некоторых странах число перемещений, вызванных изменением климата, к 2050 г. достигнет 216 млн[4], что еще раз подчеркивает масштабы проблемы.

Проблема экологических беженцев и вынужденных перемещений в целом приобрела новое звучание после пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Пандемия и сопутствующий ей кризис стали мощными факторами, усугубившими социальное положение

---

[1] Global report on internal displacement 2023. URL: https://api.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/IDMC_GRID_2023_Global_Report_on_Internal_Displacement_LR.pdf

[2] Global report on internal displacement 2024. URL: https://api.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/IDMC-GRID-2024-Global-Report-on-Internal-Displacement.pdf

[3] Environment, disasters and climate change. URL: https://www.unhcr.org/environment-disasters-and-climate-change.html

[4] Climate change could force 216 million people tomigrate within their own countries by 2050 / The World Bank. 2021. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/09/13/climate-change-could-force-216-million-people-to-migrate-within-their-own-countries-by-2050

тех, кто был вынужден покинуть место своего проживания из-за природных катаклизмов и стихийных бедствий. Всемирный банк указывает, что в условиях ухудшения экологической ситуации особенно уязвимыми оказываются люди, живущие за чертой бедности, обладающие меньшей вариативностью источников средств к существованию и большей зависимостью от цен на продовольствие[5]. Согласно данным МОМ, 70% стран, больше всего пострадавших от изменения климата, не могут похвастаться высокими доходами на душу населения[6], что подчеркивает высокую социальную значимость данной проблемы. Из 216 млн перемещений, вызванных изменением климата, прогнозируемых к 2050 г., 86 млн придется на Африку южнее Сахары, 49 млн — на Восточную Азию и Тихоокеанский регион, 40 млн — на Южную Азию[7]. Ряд исследователей отмечают, что современное состояние «географии отчаяния» необходимо характеризовать как катастрофу [4], ставшую результатом экологического кризиса, в условиях которого целые слои населения могут оказаться в ситуации резкого сокращения средств к существованию.

Особенности взаимосвязи миграции и изменения климата стали одной из основных тем, обсуждаемых в рамках Конференции ООН по изменению климата, последняя из которых прошла осенью 2025 г. в Баку. В выступлениях экспертов на протяжении нескольких лет подчеркивается, что деградация почв уже оказывает негативное влияние на условия жизни 3,2 млрд человек, в то время как повышение уровня моря, связанное с глобальным потеплением (критической отметкой до 2030 г. является потепление на 1,5 градуса по Цельсию), может привести к затоплению земель, на которых проживает около 280 млн человек[8]. Экологическая миграция в целом рассматривается специалистами как сложное и многогранное явление, требующее детального анализа.

О системном характере проблемы экологических беженцев свидетельствует ее взаимосвязь с темой безгражданственности [5], которая также находится в центре внимания современных иссле-

---

[5] Groundswell. Acting on internal climate migration. Part II. World Bank Group: Washington, 2021. P. 37.

[6] Climate mobility road map. IOM MECC 2021-2030 strategy. URL: https://environmentalmigration.iom.int/sites/g/files/tmzbdl1411/files/documents/2024-06/climate-mobility-road-map-final.pdf. P. 5.

[7] Climate change could force 216 million people to migrate within their own countries by 2050 / The World Bank. 2021. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/09/13/climate-change-could-force-216-million-people-to-migrate-within-their-own-countries-by-2050

[8] Glasgow Climate Change Conference. URL: https://unfccc.int/

дователей. Рост интереса к данному явлению обусловлен беспрецедентным увеличением количества людей по всему миру, не имеющих национальной принадлежности, то есть лиц без гражданства. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, на конец 2024 г. насчитывалось около 4,4 млн людей без гражданства, проживающих в 101 стране[9], однако с учетом официально незарегистрированных случаев данная цифра может достигать 10 млн. Эксперты указывают на то, что в условиях изменения климата и повышения уровня моря риску безгражданственности подвержены в основном островные и прибрежные государства (Бахрейн, Вьетнам и другие). «Последствия повышения уровня моря затронут сотни миллионов людей. Даже в условиях реализации защитных механизмов это явление приведет к длительному перемещению населения и усугублению проблемы безгражданственности» [6: 870].

Необходимо отметить, что в научном дискурсе понятие «география отчаяния» употребляется в двух смыслах. Согласно первому из них, «география отчаяния» позволяет анализировать пространственное распределение самоубийств и вычленять социальные причины этого явления [7]. Однако в данной статье авторы опираются на другой смысл «географии отчаяния», согласно которому под ней понимаются экологическое неравенство и инвайронментальная несправедливость, в том числе в отношении развивающихся стран, результатом которых происходит неравномерное распределение экологических рисков и их последствий [8; 9].

Цель статьи — обозначить основные подходы к исследованию проблемы «географии отчаяния», в центре внимания которой находятся экологические беженцы, выявить особенности интерпретации социального статуса данной категории населения и специфику ее положения в современных условиях.

Кто такие экологические беженцы?

Несмотря на актуальность обозначенной темы, в международном праве статус экологического беженца формально не закреплен, что обусловливает необходимость исследования особенностей концептуализации данного понятия. Так, согласно Конвенции о статусе беженцев, принятой 28 июля 1951 г. в рамках Конференции полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, статус беженца предоставляется лицам, оказывающимся в ситуации преследования «по признаку расы, вероисповедания, гражданства,

[9] UN High commissioner for refugees, refugee data finder. URL: https://www.unhcr.org/refugee-statistics/

принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений»[10]. В данном определении изменения окружающей среды не упомянуты в качестве фактора, влияющего на перемещения.

В связи с этим некоторые исследователи считают, что было бы некорректно использовать термин «беженец» в данном контексте, и указывают на то, что следует вести речь об «экологических мигрантах». Глава отдела миграции, окружающей среды и изменения климата Международной организации по миграции Д. Ионеско подчеркивает, что «создание специального статуса экологического беженца может привести к правовой и социальной эксклюзии категорий людей, нуждающихся в защите, особенно беднейших мигрантов, на перемещение которых оказывают влияние наряду с экологическими множество других факторов»[11]. В данной связи указание на необходимость учета комплекса условий, определяющих состояние проблемы, является справедливым.

В то же время специалисты Европейской парламентской исследовательской службы указывают на то, что «термин "мигрант" не всегда уместен, так как предполагает свободу волеизъявления при принятии решения о перемещении»[12], что оставляет за пределами анализа насильственный характер данного явления. По мнению современных исследователей, «в то время как климатических беженцев можно представить как "жертв" изменения климата, климатические "мигранты", по сути, становятся свободными личностями с предпринимательским духом, мыслящими стратегически» [10, 12]. Иными словами, использование понятия «мигрант» во многом снимает вопрос об ответственности за происходящие изменения климата и окружающей среды.

Хотя экологический фактор формально не закреплен в нормативно-правовых документах в качестве основания для присуждения статуса беженца, само понятие «экологический беженец» сегодня все чаще используется в общественном и научном дискурсах. На наш взгляд, наиболее адекватным представляется определение экологических беженцев как *перемещенных лиц* в результате экологических и климатических бедствий (а также в связи с постепенным и необратимым ухудшением экологической ситуации). В данном контек-

---

[10] The concept of "climate refugee": Towards a possible definition. URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference

[11] Let's talk about climate migrants, not climate refugees. URL: https://rosanjose.iom.int/SITE/en/blog/lets-talk-about-climate-migrants-not-climate-refugees

[12] The concept of "climate refugee": Towards a possible definition. URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference

сте понятие экологических беженцев шире по своему содержанию, чем понятие «климатические беженцы», так как включает в себя не только метеорологические условия местности, но и состояние растительного и животного мира, воды и прочие характеристики окружающей среды. Кроме того, определение данной категории лиц как перемещенных свидетельствует о насильственном, вынужденном характере смены места их пребывания, что еще раз подчеркивает значимость и остроту исследуемой проблемы.

Результатом климатических изменений, имеющих порой необратимый характер, становится возникновение новой реальности, осмысление которой осуществляется в рамках соответствующих теоретических подходов. Исследуя историю трансформации проблематики экологических беженцев, К. Макнамара рассматривает особенности формирования дискуссии вокруг данного вопроса, описывая эволюцию взглядов и перспектив изучения проблемы. В зависимости от того, кто выступает субъектом, ответственным за возникновение проблемы экологических беженцев, а также от комплекса воздействующих на нее факторов, ученый выделяет несколько концепций, которые оказали значительное влияние на текущий статус данной группы населения. В частности, в рамках подхода, предложенного У. Вогтом в середине XX в. и в дальнейшем разрабатываемого в трудах Л. Брауна [11] и Э. Эль-Хиннави [12], экологические беженцы рассматриваются как «преступники», деятельность которых в итоге привела к деградации окружающей среды. Макнамара подчеркивает, что, по мнению данных исследователей, «сокращение ресурсов является прямым результатом уничтожения лесов и нерациональных методов ведения сельского хозяйства, таких как чрезмерный выпас скота и интенсивное растениеводство» [13, 78]. В результате подобной «варварской» деятельности люди были вынуждены покинуть свои земли в поисках пригодных для выживания условий. Тем самым сторонники данного подхода рассматривают экологических беженцев как непосредственных «виновников» их собственного положения.

Иная трактовка причин возникновения данной проблемы была предложена в 1990-е гг. современным американским исследователем Дж. Якобсон [14]. Макнамара подчеркивает, что в рамках его подхода экологические беженцы рассматривались как «жертвы» независящих от них обстоятельств, а именно последствий хищнической политики промышленно развитых стран, отсутствия должной инфраструктуры для ведения сельского хозяйства, роста населения и нищеты. «Ответственность за текущее состояние проблемы была возложена непосредственно на развитые страны, модели потребле-

ния энергии, производственная деятельность которых привели к необратимым изменениям экологии и ухудшению климата» [13, 85]. Во многом подобная интерпретация положения экологических беженцев представляет собой попытку обратить внимание общественности, научного сообщества, государств и субъектов глобального рынка на высокую степень значимости рассматриваемой проблемы. Идеи американского исследователя в дальнейшем поддерживались и разрабатывались другими экспертами по вопросам окружающей среды и климата (Н. Майерсом [15], Дж. Троллдаленом [16] и др.), а также легли в основу дебатов о проблеме экологических мигрантов и беженцев.

Рассматривая особенности международного статуса экологических беженцев, Макнамара особое внимание уделяет анализу подхода, разработанного в рамках Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и в дальнейшем развиваемого Международной организацией по миграции. Согласно решению Симпозиума 1996 г., возглавляемого УВКБ ООН, государствам рекомендовалось проводить политику адаптации населения к изменениям климата, включающую реализацию просветительских кампаний по вопросам рационального использования ресурсов и расширения технических возможностей в условиях окружающей среды. Как отмечает исследователь, «определение лиц, перемещенных в результате процессов деградации земель как “адаптирующихся субъектов”, значительно отличалось от характеристики экологических беженцев как “преступников” или “жертв”» [13: 112]. Данная формулировка с акцентом на длительный процесс адаптации устраняла необходимость в оперативной реализации защитных механизмов со стороны ООН для пострадавших людей, что привело к временному прекращению дебатов по данному вопросу.

Основной причиной подобного замалчивания проблемы, по мнению Макнамары, является нежелание развитых стран брать на себя ответственность за загрязнение окружающей среды. На фоне вступления в силу Рамочной конвенции ООН об изменении климата в 1994 г. любые дополнительные политические дебаты по институционализированному признанию и защите экологических беженцев были не выгодны странам-лидерам, использующим ископаемые виды топлива. «Правительства Австралии и США отказались подписывать Киотский протокол в 1997 г., поскольку он требовал от стран брать на себя ответственность за свои действия, негативные последствия которых ощущаются за пределами их национальных границ» [13, 114]. В результате признание проблемы на официальном уровне было отложено до начала XXI в.

Контуры современной «географии отчаяния»

Концепции экологических беженцев как «адаптирующихся субъектов» и «миграции как адаптации» в целом, в рамках которых подчеркивается положительный потенциал миграции, позволяющей получить доступ к источникам средств к существованию, сегодня подвергаются критике. Так, современные исследователи [17] указывают на следующие моменты, свидетельствующие о спорном характере данного подхода: во-первых, миграция может стать вариантом выживания только для определенных групп населения и при определенных обстоятельствах; во-вторых, миграция может привести к росту уязвимости и снижению адаптационных возможностей; в-третьих, миграция не является успешной адаптацией, если она сопровождается потерей социальных связей, разрывом с традициями, социальным порядком, приводит к размыванию идентичности и проблемам с ментальным здоровьем людей; в-четвертых, миграция, представляющая собой успешную адаптацию на микроуровне, может скрывать системное бездействие правительства на макроуровне и усиливать структурное неравенство. Подобного рода аргументы определяют необходимость учета множества факторов в процессе анализа проблемы, влияющих не только на образование потоков экологических беженцев, но и на рассмотрение условий их социально-экономической и культурной интеграции.

Взаимосвязь между понятиями климатического мигранта, климатического беженца и подходом, в рамках которого перемещения, вызванные изменением климата, трактуются как адаптивная стратегия, рассматривается в работах современного исследователя из Швейцарии Р. Фелли. Ученый выступает с критикой данной концепции и указывает на то, что в подобной трактовке «климатические беженцы определяются не как жертвы изменения климата, вызванного деятельностью промышленно развитых стран, а как “предприниматели”, которые самостоятельно могут не только выбраться из состояния нищеты, но и повысить “устойчивость” общин, к которым они принадлежат, не нуждаясь при этом в государственной помощи и защите [10, 17]. Иными словами, климатическая миграция в данном случае больше не является вынужденной, становится одной из добровольно выбираемых стратегий адаптации к новым условиям окружающей среды и интерпретируется в целом как позитивный процесс. Подобное представление формируется в контексте функционирования и влияния глобальной капиталистической экономики, принципы которой также оказываются в центре дискуссии о проблеме экологических беженцев.

Специфику миграционных процессов, являющихся следствием изменения климата и ухудшения условий окружающей среды, анализирует современный американский социолог С. Сассен. Рассматривая особенности функционирования субъектов глобальной экономики, исследователь уделяет особое внимание экологическим и социальным последствиям реализации программы реструктуризации, проводимой Международным валютным фондом, Всемирным банком и Всемирной торговой организацией в 1980-е гг. Данная программа включала в себя «нормы надлежащего управления экономикой, в случае соблюдения которых страна может добиться роста и процветания» [18, 83], среди которых особенно важными, по мнению ученого, являются приоритет выплаты внешнего долга и приватизация большинства услуг. Результатом реализации подобных мер стало ослабление местных правительств, сокращение финансирования социальной сферы и увеличение доступа к земле, представляющей собой ценный ресурс в условиях глобального рынка.

По мнению Сассен, процессы деградации земель, загрязнения воды и воздуха, таяния вечной мерзлоты и массовых наводнений являются следствием роста объема приобретений земель (большая часть которых приходится на Африку, Латинскую Америку и Центральную Азию), закупаемых иностранными правительствами и фирмами с целью выращивания сельскохозяйственных культур для производства биотоплива. Деятельность по неограниченной добыче природных ресурсов на этих территориях приводит к тому, что земля становится непригодной для жизни и люди вынуждены мигрировать в поисках минимально возможных условий существования. Социолог предлагает понятия «массовая потеря среды обитания» (ситуация вынужденной миграции, в результате которой люди лишаются жизненно необходимых благ, земельной собственности, социальных и политических прав) и «выталкивание» (результат процесса «массовой потери среды обитания», который сопровождается полным исключением субъекта из жизненно важных систем – экономической, социальной и экологической) [19], посредством которых стремится подчеркнуть системный характер процессов, являющихся следствием политики, проводимой субъектами глобального финансового рынка.

В подобной ситуации неопределенности статуса экологических беженцев и нерешенности вопроса соотношения понятий «экологический мигрант» и «экологический беженец» актуальными становятся подходы, в рамках которых миграция представлена как сложный, многогранный и противоречивый процесс, который включает в себя

множество взаимосвязанных компонентов, а также рассматривается с точки зрения политического дискурса. Концепция виаполитики (*viapolitics*) базируется на следующих тезисах: «1) в процессе исследования миграции необходимо уделять особое внимание транспортным средствам, которые вовлечены в миграционные потоки (корабли, поезда, автобусы и другие); 2) транспортные средства являются движимыми пространствами управления и борьбы; 3) транспортные средства могут выступать объектами политических действий» [20, 5]. Иными словами, изучение миграции должно быть основано на изучении транспорта как института, включенного в социально-политический дискурс о миграционной политике, властных отношениях и границах.

Ключевыми аспектами виаполитики, наряду с транспортными средствами, маршрутами и инфраструктурой, являются «характеристики окружающей среды (засушливые пустыни, моря, горные цепи и прочее)» [20, 28], влияющие на формирование миграционных потоков и определяющие особенности законодательства в отношении мигрантов и беженцев. В качестве примера исследователи рассматривают ситуацию между Мексикой и США [20, 28], на границе которых было сосредоточено огромное количество американских полицейских с целью сдерживания миграционных потоков мексиканцев. В результате мигранты, часто рискуя жизнью, были вынуждены искать альтернативные маршруты, прокладывая путь через засушливую и опасную пустыню Сонору.

В целом потенциал концепции виаполитики в исследовании проблемы экологических беженцев заключается, во-первых, в рассмотрении геофизического фактора как важного условия, который во взаимосвязи с проводимой политикой государств определяет особенности направления передвижений. Во-вторых, транспортные средства и инфраструктура становятся, как отмечают исследователи, частью процесса развертывания борьбы беженцев за реализацию своих прав. Подобная идея разрабатывалась в рамках подхода, определяющего экологических беженцев как «жертв», которые вынуждены мигрировать, используя для этого все возможные пути и маршруты, фактически вступая в процесс «борьбы за выживание». Вместе с тем некоторые исследователи не акцентируют внимание на причинах изменения экологической ситуации и ухудшения климата, что является неотъемлемым компонентом анализа проблемы экологических беженцев.

Таким образом, значимость проблемы экологических беженцев признается международными общественными организациями и научным сообществом в целом. Однако в отношении ключевых

причин ее возникновения и субъектов, ответственных за бедственное положение лиц, перемещенных в результате изменения климата и окружающей среды, единой точки зрения на сегодняшний день не сложилось. Кроме того, в рамках данной дискуссии фактически не обсуждается вопрос о социально-экономическом и правовом статусе экологических беженцев, что также является темой для дальнейшего исследования.

Экологические беженцы и пандемия COVID-19

Современная социальная и политическая повестка накладывают свой отпечаток на проблему экологических беженцев. Подчеркнем, что актуальность проблемы экологических беженцев значительно возросла в условиях и после пандемии COVID-19. Анализ особенностей взаимосвязи пандемии COVID-19 и насильственных перемещений, вызванных изменением климата и окружающей среды, представлен в работах британского исследователя А. Беттса. Он отмечает, что «изменение климата и социально-экономические последствия COVID-19 являются наиболее важными глобальными проблемами современного мира, определяющими объем и направления потоков беженцев» [21, 372]. Ученый стремится выявить взаимосвязь между экологическими и климатическими трансформациями, характеристиками перемещений населения и особенностями государственного управления. «В государствах со слабым правительством изменение климата окажет наибольшее влияние на перемещение населения» [21, 41]. В качестве примеров Беттс рассматривает вынужденные переселения местных общин Гондураса, Гватемалы, Сальвадора, Никарагуа в США [21, 41] в целях поиска убежища, вызванные сочетанием ряда таких факторов, как конфликты, слабое государственное управление, изменение климата и экологические бедствия.

Следует отметить близость идей британского исследователя рассмотренной ранее концепции, в рамках которой экологические беженцы представляются «жертвами» проводимой экономической и социальной политики государств и транснациональных субъектов. «Изменение климата, слабость государственного управления и повсеместное насилие приводят к увеличению числа случаев бегства ради *выживания*. При этом лишь некоторые, кто решился оставить свой дом, получают признание в рамках новой системы» [22: 204]. В данном случае Беттс стремится обозначить проблему пограничного, зачастую маргинального положения перемещенных лиц, характеризующихся отсутствием прав и жизненно необходимых благ.

Нельзя не согласиться с британским исследователем в том, что в условиях COVID-19 «как никогда важно сменить парадиг-

му “беженцы как бремя” на “беженцы как благо”» [21, 337], обозначив в качестве ведущей цели создание условий для комфортной жизнедеятельности и развития потенциала людей. Подход Беттса можно охарактеризовать как «человекоцентристский», сосредоточивающийся на человеческом капитале беженцев, на их «знаниях, навыках, талантах и устремлениях» [21, 337], которые могут внести заметный вклад в экономическое, социальное и культурное развитие принимающих стран.

Пандемия как ключевой фактор, определяющий современную повестку дня, выявила и во многом усугубила социальные проблемы, которые требуют совместных решений. Речь идет о формировании новой реальности, отличающейся высокой степенью неопределенности, нестабильностью и многообразием социальных рисков. Анализ характеристик постковидного мира и экологической ситуации в условиях пандемии COVID-19 представлен в работе современного французского философа Б. Латура.

В работе «После локдауна. Метаморфозы» [23] исследователь стремится выявить особенности реальности после начала распространения коронавирусной инфекции. При этом он начинает описание именно с экологической проблематики, подчеркивая ее актуальность. «Мне приходится нести за собой длинный след CO_2, который не позволяет просто купить билет на самолет и полететь куда-либо. Этот след мешает каждому моему движению до такой степени, что я едва осмеливаюсь печатать что-то на клавиатуре ноутбука, опасаясь, что где-нибудь далеко тает вечная мерзлота» [23, 13]. Тем самым Латур указывает на проблему изменения климата, которая наряду с пандемией становится фактором, определяющим образ жизни и мысли людей.

Проводя сравнительный анализ доковидного и постковидного миров, французский исследователь приходит к выводу о возникновении принципиально новой реальности, кардинальным образом отличающейся от предшествующей. «На мой взгляд, во время пандемии COVID-19 многие из нас в полной мере осознали риски, связанные с дальнейшим существованием всех форм жизни» [23, 39], — отмечает ученый, подчеркивая состояние комплексного кризиса, охватившего все сферы общественной жизни, в том числе экономику, экологию и социальное взаимодействие.

Одним из центральных моментов сравнения различных типов реальности Латуром является тезис о том, что в рамках постковидного мира меняется понимание природы и ее сущности. Представление о природе как об однородном, гармоничном и непрерывном единстве органического, воспроизводящего порядок вещей, про-

образ которой воплощает в себе древнегреческая богиня земли Гея, трансформируется коренным образом. Как он отмечает, «природа теперь не является чем-то "зеленым", органическим; прежде всего, она состоит из производителей и производимого» [23, 20], обращая внимание на взаимосвязь проблем экологии, изменения климата и деятельности человека.

Исследователь приходит к выводу о детерминированности всех природных процессов, особенности динамики которых зависят от деятельности человека. По его мнению, «на Земле нет ничего абсолютно "естественного" с точки зрения того, к чему не прикасалось бы ни одно живое существо: все создается, изобретается, собирается воедино и поддерживается организациями, каждая из которых стремится к собственной цели» [23, 25]. Несмотря на то что Латур в своей работе подробно не рассматривает проблему экологических беженцев, можно сделать вывод о том, что все экологические проблемы и связанные с ними вынужденные перемещения возникают как следствие реализации политики определенных государственных или транснациональных субъектов, преследующих собственные интересы.

Рассматривая социально-экономические и экологические проблемы постковидной реальности, французский исследователь вводит понятие «критическая зона», фиксируя состояние напряженности, хрупкости современного мира. «Жить в "критической зоне" означает учиться жить дольше других поколений, не подвергая, при этом опасности формы жизни, которые появятся позже» [23, 31]. Тем самым философ формулирует значимый на сегодняшний день вопрос об ответственности за происходящие изменения в области экологии и окружающей среды, а также в сфере глобального потребления ресурсов в целом. По мнению Латура, пандемия продемонстрировала тот факт, что в современном мире «мы не можем просто бесконечно извлекать ресурсы и избавляться от отходов. В критической зоне мы должны поддерживать то, что у нас есть, потому что оно ограничено, локально, подвержено риску и является объектом современных форм конфликта» [23, 31]. Данным принципом необходимо руководствоваться как на локальном, так и на глобальном уровне принятия решений, определяющих сегодня повестку дня.

Экологический неоколониализм в современном мире

Проведенный анализ демонстрирует, что существенное влияние на положение экологических беженцев и их дальнейшую судьбу оказывает не только собственно состояние окружающей среды, но и способы оценки и интерпретации их положения. В этом отноше-

нии фактором, усугубляющим положение подобных уязвимых групп населения, оказывается экологический неоколониализм, который представляет собой одну из новейших форм неоколониального влияния [24]. Экологический неоколониализм представляет собой форму воздействия одних стран (обычно западных и экономически развитых) на другие (находящиеся преимущественно за пределами Европы и не характеризующиеся высоким уровнем благосостояния), при которой происходит эксплуатация природных ресурсов и окружающей среды последних. При этом чаще всего это воздействие носит латентный характер и приводит к несправедливому распределению ресурсов и закреплению и росту социального неравенства. В отношении экологических беженцев и их политического статуса фиксируются категориальные неравенства [25], когда способ их наименования («мигранты», «беженцы» и др.) напрямую влияет на их социальные возможности. При этом сами субъекты наделяются благодаря присваиванию категорий определенными характеристиками, описанными выше: «жертвы», «преступники» и др. Экологический неоколониализм оказывает влияние на экологических беженцев одновременно несколькими способами.

Во-первых, речь идет о непосредственной эксплуатации и, как следствие, о деградации окружающей среды развивающихся стран и вынужденном вытеснении людей с привычных территорий. Дешевая стоимость рабочей силы и ресурсов позволяет западным странам вывозить токсичные отходы, перевозить опасные производства за свою границу. Кроме того, деятельность отдельных транснациональных корпораций часто приносит ущерб развивающимся странам. Так, например, в Нигерии регулярно происходят разливы нефти на терминале компании Shell[13]. Подобные ситуации негативно влияют на жизнь и здоровье людей, снижают биоразнообразие и могут затруднить ведение сельскохозяйственных работ.

Во-вторых, следует отметить климатическое влияние. В то время как основной вклад в изменение климата был внесен западными странами, менее обеспеченные государства часто испытывают радикальное влияние этого процесса, например, опустынивание широко распространено в Африке, а отдельные островные государства (Тувалу, Кирибати, Маршалловы острова, Мальдивы и др.) и вовсе могут быть в скором времени полностью затоплены и породить тысячи экологических беженцев.

---

[13] Авария на трубопроводе Shell вызвала разлив нефти в Африке / Ecopravda.ru. 15.03.2023. URL: https://www.ecopravda.ru/mir/avariya-na-truboprovode-shell-vyzvala-razliv-nefti-v-afrike/

В-третьих, особенно следует отметить навязывание «зеленых» стандартов и практик. Более широкие экономические возможности развитых стран позволяют им, с одной стороны, вводить более эффективные технологические решения в своих странах, а с другой стороны, требовать, например под предлогом непредоставления кредита, реализации экологических практик в развивающихся странах, для которых это становится новой преградой на пути социально-экономического благополучия. Более того, нередко предлагаемые решения не обладают явными экологическими преимуществами в сравнении, например, с традиционными практиками народов, но продвигаются по причине коммерческой выгоды корпораций, которые их предлагают. Тем самым вновь подрывается экологическое благополучие незащищенных стран и регионов.

Представляется, что решение указанных проблем может выстраиваться по нескольким направлениям. Первым шагом должна стать разработка правовой базы для признания экологических беженцев и их возможностей, поскольку ситуация правовой неопределенности создает те самые коллизии, которые негативным образом сказываются на положении рассматриваемых социально уязвимых групп населения. При том, что количество экологических беженцев будет возрастать, подобное решение должно быть разработано в ближайшее время. Вторым шагом по сокращению негативных последствий экологического неоколониализма, на наш взгляд, могло бы выступить регулирование деятельности транснациональных корпораций, а также введение обязательной системы компенсации за причиненный вред (подобный тому, который был рассмотрен на примере Нигерии и компании Shell). В настоящее время существуют фонды поддержки стран, тем не менее их работа по-прежнему является непрозрачной и бессистемной, а порой и частью неоколониального влияния. Еще одним шагом может стать укрепление местных сообществ, которые будут способствовать распространению традиционных практик природы пользования, а также будут иметь возможность принимать участие в решениях относительно ресурсов на территориях, которые им принадлежат. Игнорирование проблемы экологических беженцев может привести к масштабным гуманитарным кризисам и дестабилизации мирового порядка.

Заключение

Для современного мира характерно неравномерное распределение экологических рисков и их социальных последствий, одним из результатов которого стали десятки миллионов экологических беженцев. Их число, по прогнозам, может вырасти в несколько раз к се-

редине XXI в., причем значительная часть из них будет приходиться на Африку южнее Сахары. Данная ситуация названа «географией отчаяния», поскольку очевидна инвайронментальная несправедливость, когда результаты климатических изменений и связанные с ними вынужденные перемещения ведут к наиболее серьезным социально-экономическим последствиям для людей, живущих за чертой бедности и находящихся в уязвимом положении.

Анализ соответствующих теоретических подходов продемонстрировал, что климатическая миграция рассматривается некоторыми учеными как одна из добровольно выбираемых стратегий адаптации к новым условиям окружающей среды и интерпретируется в целом как позитивный процесс. Однако в данной статье показано, что многие экологические беженцы являются «жертвами» независящих от них обстоятельств, а именно последствий агрессивного освоения природных ресурсов развитыми странами, что позволяет указать на реализуемую в современном мире политику экологического неоколониализма, в первую очередь, в отношении развивающихся стран.

На основании рассмотренных в статье концепций можно сделать вывод о том, что проблема экологических беженцев во многом предстает как проблема поиска субъектов, ответственных за ее возникновение. За рамками дискуссий остаются вопросы идентификации правового и социального статуса экологических беженцев, особенности положения данной категории людей в условиях COVID-19. Значительное влияние на проблему экологических беженцев сегодня оказывают практики экологического неоколониализма, влияющие не только на загрязнение окружающей среды, но и на способы противостояния стран этим экологическим трансформациям. Обозначенные в статье варианты решения проблемы представляют собой всего лишь контуры потенциальных способов снижения негативных последствий. Поскольку эта проблема в ближайшее время затронет значительное число стран по всему миру, она требует не только международного сотрудничества на политическом поле, но и дальнейших междисциплинарных исследований, а также изменения отношения к окружающей среде.

Основы экологического мышления, в котором будут учтены ценностные аспекты и подходы к природе, могут быть укоренены в художественных произведениях, религиозно ориентированной этике [26] и любых других источниках, но его необходимость не вызывает сомнений, поскольку последствия изменения климата уже очевидны и требуют решительных действий. Проблема экологических беженцев является лишь одним из вызовов современности, который

требует разработки новых исследовательских подходов к ее осмыслению, четкости в определении пересекающихся по смыслу понятий и поиска путей ее преодоления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Johansson I.* Ontological investigations: An inquiry into the categories of nature, man, and society. L.; N.Y.: Routledge, 1989. 377 p.

2. *Адорно Т.*, *Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения: Философские фрагменты. СПб.: Медиум, 1997. 311 с.

3. *Козырев А.П.* Концепт «Мать сыра земля»: народная вера и религиозная философия // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2024. № 6. С. 3–21.

4. *Milner J.*, *Davies M.*, *Haines A.*, *Huxley R.*, et al. Emerging from COVID-19: Lessons for action on climate change and health in cities // Journal of Urban Health. 2021. Vol. 98, N 3. P. 1–5.

5. *Siegelberg M.L.* Statelessness: A modern history. Cambridge: Harvard University Press, 2020. 328 p.

6. *Piguet E.* Climatic statelessness: Risk assessment and policy options // Population and Development Review. 2021. Vol. 45, N 4. P. 865–883.

7. *Middleton N.*, *Sterne J.A.*, *Gunnell D.* The geography of despair among 15-44-year-old men in England and Wales: Putting suicide on the map // Epidemiol Community Health. 2006. Vol. 60, N 12. P. 1040–1047.

8. *Batisani N.*, *Ranko O.* The geography of despair: Urban environmental injustice through income-based residential zonation, Gaborone City, Botswana // Journal of Urban and Environmental Engineering. 2012. Vol. 6, N 2. P. 94–103.

9. *Bolin R.*, *Grineski S.*, *Collins T.* The geography of despair: Environmental racism the making of South Phoenix, Arizona, USA // Human Ecology Review. 2005. Vol. 12, N 2. P. 156–168.

10. *Felli R.* Managing climate insecurity by ensuring continuous capital accumulation: "Climate refugees" and "Climate migrants" // New Political Economy. 2012. Vol. 18, N 3. P. 337–363.

11. *Brown L.*, *McGrath P.*, *Stokes B.* Twenty-two dimensions of the population problem: Worldwatch Paper 5, Washington: Worldwatch Institute, 1976. 83 p.

12. *El-Hinnawi E.* Environmental refugees. Nairobi: UNEP, 1985. 41 p.

13. *McNamara K.* The politics of 'environmental refugee' protection at the United Nations. Sydney: BEnvSc.(Hons) UNSW, 2006. 341 p.

14. *Jacobson J.* Environmental refugees: A yardstick of habitability. Washington: The Worldwatch Institute, 1988. 46 p.

15. *Myers N.* Environmental refugees // Population and Environment. November 1997. Vol. 19. P. 167–182.

16. *Trolldalen J.* International environmental conflict resolution: the role of the United Nations / World foundation for the environment. N.Y.: UNITAR, 1992. 199 p.

17. *Vinke K.*, *Bergmann J.*, *Blocher J.*, *Upadhyay H.*, *Hoffmann R.* Migration as adaptation? // Migration Studies. 2020. Vol. 8, N 4. P. 626–634.

18. *Sassen S.* Expulsions: Brutality and complexity in the global economy. Cambridge: Harvard University Press, Belknap, 2014. 304 p.

19. *Хомякова К.Л.* Миграция в условиях глобализации: современные тенденции и социальные проблемы (на примере теории Саскии Сассен) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 136–140.

20. *Walters W.*, *Heller C.*, *Pezzani L.* Viapolitics: Borders, migration, and the power of locomotion. Durham; L.: Duke University press, 2022. 320 p.

21. *Betts A.* The wealth of refugees: How displaced people can build economies. Oxford: Oxford University Press, 2021. 450 p.

22. *Betts A.*, *Collier P.* Refuge: Rethinking refugee policy in a changing world. Oxford: Oxford University Press. 2017. 292 p.

23. *Latour B.* After lockdown: A metamorphosis. Cambridge, Medford: Polity Press, 2021. 180 p.

24. *Вершинина И.А.*, *Лядова А.В.*, *Мартыненко Т.С.*, *Григорьева Е.А.* Современный дискурс о неоколониализме: Аналитический обзор исследований // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 3. С. 233–256.

25. *Tilly Ch.* Durable inequality. Berkeley: University of California Press, 1998. 299 p.

26. *Козырев А.П.* Взросление духа: О некоторых философских истоках экологического мышления М.М. Пришвина // Вопросы философии. 2023. № 11. С. 10–15.

REFERENCES

1. Johansson I. Ontological investigations: An inquiry into the categories of nature, man, and society. L.; N.Y.: Routledge, 1989. 377 p.

2. Adorno T., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment. Philosophical fragments. St. Petersburg: Medium, 1997. 311 p. (In Russ.)

3. Kozyrev A.P. The concept of "mat'-syra-zemlya": Folk belief and religious philosophy. *Lomonosov Philosophy Journal*. 2024. N 6. P. 3–21. (In Russ.)

4. Milner J., Davies M., Haines A., Huxley R., et al. Emerging from COVID-19: Lessons for action on climate change and health in cities. *Journal of Urban Health.* 2021. Vol. 98, N 3. P. 1–5.

5. Siegelberg M.L. Statelessness: A modern history. Cambridge: Harvard University Press, 2020. 328 p.

6. Piguet E. Climatic statelessness: Risk assessment and policy options. *Population and Development Review.* 2021. Vol. 45, N 4. P. 865–883.

7. Middleton N., Sterne J.A., Gunnell D. The geography of despair among 15-44-year-old men in England and Wales: Putting suicide on the map. *Epidemiol Community Health*. 2006. Vol. 60, N 12. P. 1040–1047.

8. Batisani N., Ranko O. The geography of despair: Urban environmental injustice through income-based residential zonation, Gaborone City, Botswana. *Journal of Urban and Environmental Engineering*. 2012. Vol. 6, N 2. P. 94–103.

9. Bolin R., Grineski S., Collins T. The geography of despair: Environmental racism the making of South Phoenix, Arizona, USA. *Human Ecology Review.* 2005. Vol. 12, N 2. P. 156–168.

10. Felli R. Managing climate insecurity by ensuring continuous capital accumulation: "Climate refugees" and "Climate migrants". *New Political Economy.* 2012. Vol. 18, N 3. P. 337–363.

11. Brown L., McGrath P., Stokes B. Twenty-two dimensions of the population problem: Worldwatch Paper 5, Washington: Worldwatch Institute, 1976. 83 p.

12. El-Hinnawi E. Environmental refugees. Nairobi: UNEP, 1985. 41 p.

13. McNamara K. The politics of 'environmental refugee' protection at the United Nations. Sydney: BEnvSc.(Hons) UNSW, 2006. 341 p.

14. Jacobson J. Environmental refugees: A yardstick of habitability. Washington: The Worldwatch Institute, 1988. 46 p.

15. Myers N. Environmental refugees. *Population and Environment*. 1997. Vol. 19. P. 167–182.

16. Trolldalen J. International environmental conflict resolution: the role of the United Nations. World foundation for the environment. N.Y.: UNITAR, 1992. 199 p.

17. Vinke K., Bergmann J., Blocher J., Upadhyay H., Hoffmann R. Migration as adaptation? *Migration Studies.* 2020. Vol. 8, N 4. P. 626–634.

18. Sassen S. Expulsions: Brutality and complexity in the global economy. Cambridge: Harvard University Press, Belknap, 2014. 304 p.

19. Khomyakova K.L. Migration in the context of globalization: Modern trends and social problems (based on Saskia Sassen's theory). *Tomsk State University Journal.* 2020. N 456. P. 136–140. (In Russ.)

20. Walters W., Heller C., Pezzani L. Viapolitics: Borders, migration, and the power of locomotion. Durham; L.: Duke University press, 2022. 320 p.

21. Betts A. The wealth of refugees: How displaced people can build economies. Oxford: Oxford University Press, 2021. 450 p.

22. Betts A., Collier P. Refuge: Rethinking refugee policy in a changing world. Oxford: Oxford University Press. 2017. 292 p.

23. Latour B. After lockdown: A metamorphosis. Cambridge, Medford: Polity Press, 2021. 180 p.

24. Vershinina I.A., Lyadova A.V., Martynenko T.S., Grigoryeva E.A. The neocolonial dimension of the green economy: The age of globalization: A study of contemporary global processes. 2025. N 1. P. 233–256. (In Russ.)

25. Tilly Ch. Durable inequality. Berkeley: University of California Press, 1998. 299 p.

26. Kozyrev A.P. The maturation of the spirit: On some philosophical origins of M.M. Prishvin's ecological thinking. *Voprosy Filosofii*. 2023. N 11. P. 10–15. (In Russ.)

Информация об авторах:

Вершинина Инна Альфредовна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (495) 939-21-37; urbansociology@yandex.ru

Мартыненко Татьяна Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (495) 939-21-37; ts.martynenko@gmail.com

Хомякова Кристина Львовна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, тел.: +7 (495) 939-21-37; k.gribova@inbox.ru

Information about the authors:

Inna A. Vershinina — Doct. Sci. (Sociology), Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (495) 939-21-37; urbansociology@yandex.ru

Tatiana S. Martynenko — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (495) 939-21-37; ts.martynenko@gmail.com

Kristina L. Khomyakova — Cand. Sci. (Sociology), independent researcher, tel.: +7 (495) 939-21-37; k.gribova@inbox.ru

Поступила в редакцию 16.02.2025;
принята к публикации 02.06.2025